

УДК 81'316.772.2

<https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

В. Н. Бабаян

Об основных психолингвистических особенностях диалогического дискурса терциарной речи с активными и пассивными участниками

Для цитирования: Бабаян В. Н. Об основных психолингвистических особенностях диалогического дискурса терциарной речи с активными и пассивными участниками // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 92–99. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-92-99

В настоящей работе представлен молчащий наблюдатель (МН) как пассивный третий участник двустороннего речевого обмена – диалога – коммуникантов, исследуется роль этого пассивного участника – МН – в триадном диалоге, выявлены психолингвистические аспекты диалога терциарной речи в присутствии МН как третьего участника акта коммуникации. В статье молчащий третий участник диалога классифицирован как эксплицитный (ЭМН) и имплицитный молчащий наблюдатель (ИМН). Установлено, что как ЭМН, так и ИМН как третий участник диалога, являясь неотъемлемым компонентом определенной коммуникативно-речевой ситуации, несомненно, влияет на вербальное и невербальное поведение активных участников, продуцентов диалога и этим создают особую форму общения, триадный диалог. Молчащее третье лицо, присутствующее при разговоре двоих коммуникантов, фиксируется партнерами по общению в рамках конкретного акта коммуникации, что дает основание говорить о том, что МН влияет как на содержание, так и на форму продуцируемого активными членами триады (АЧТ) диалога. Так, исследователь правомерно включает данного МН как пассивного участника триады (некоммуниканта) в наблюдаемую им конкретную коммуникативно-речевую ситуацию с учетом факта вовлеченности эксплицитного или имплицитного МН в акт определенной коммуникации. Приведены модели диалогов терциарной речи и перечислены основные критерии классификации взаимоотношения всех участников диалога – обоих активных и пассивного членов триады (МН), в процессе анализа диалогов с МН выделены триады с различной ролью их молчащего третьего участника. Приведена таблица соответствий между словом говорящего и реакцией слушающего, с включенным в нее третьим молчащим лицом.

Ключевые слова: диалог, терциарная речь, триада, триадный диалог, молчащий наблюдатель (эксплицитный и имплицитный), члены триады.

V. N. Babayan

On the principal psycholinguistic characteristics of a tertiary speech dialogical discourse with its active and passive participants

A silent bystander as a passive third participant in a two-person talk is presented and studied in the given article. The article studies the silent bystander's significant role in a triadic dialogue, discovers psycholinguistic characteristics of a dialogue as a kind of tertiary speech including a silent bystander as a third person whose presence influences both the speakers. The author of the article classifies this silent bystander as an explicit and implicit silent bystander. The silent third person's – silent bystander's – presence in the speech situation has a specific influence on the speakers' speech behaviour – both verbal and non-verbal – thus forming a special type of a dialogue, a triadic one. Both the speakers explicitly consider the silent bystander's presence and it naturally affects the form as well as the content of their dialogical discourse, thus, enabling the researcher to include the silent bystander in the given communication act. The main criteria of relationship between the both speakers and the silent bystander are presented in the article. The thorough dialogues analysis brought to identifying sixteen types of triads with a wide range of silent bystander's role. The chart showing the correspondence between the both speakers' words and the bystander's reaction to them is also given in the article under consideration.

Key words: tertiary speech, dialogue, triad, triadic dialogue, silent bystander (explicit as well as implicit), two active and a passive tertiary speech participants.

Введение

Под терциарной речью понимаем диалог двух коммуникантов (АЧТ) в присутствии молчащего

наблюдателя (МН), т. е. пассивной третьей стороны акта коммуникации, который явно не принимает участия в процессе общения собеседников,

однако фактом своего присутствия оказывает существенное влияние как на вербальное, так и невербальное поведение АЧТ и фактом своего нахождения при разговоре адресанта и адресата формирует особый тип диалога, диалог в триаде. Понятие терциарной речи включает существенные модификации и в речевом поведении одного из коммуникантов либо обоих АЧТ при условии их осведомленности о присутствующем МН в конкретной речевой ситуации. Таким образом *диада* трансформируется в *триаду* под воздействием присутствия МН, которое приводит к модификации как самой формы, так и содержания диалога АЧТ. Итак, в настоящей работе понятие «диалог в триаде» подразумевает терциарную речь коммуникантов, формирующуюся в присутствии молчащего участника триады. МН, являясь третьей влиятельной стороной определенной ситуации терциарной речи, представляет собой тот самый фактор, который влияет на психологический фон всего акта коммуникации. Вследствие этого воздействия, как видим, можно говорить о том, что **триада** включает двух АЧТ, формирующих диалогическое речевое произведение (диалогический дискурс), и молчащее третье лицо (МН) [Бабаян, 2016, с. 26; 2018, с. 91].

Гипотеза

Представляет интерес сам феномен третьего пассивного члена триадного диалога (МН). Как отмечалось выше, одно только присутствие МН оказывает воздействие на коммуниканта (коммуникантов), вследствие чего модифицируется как содержание, так и форма диалогического дискурса терциарной речи. Иначе говоря, активные члены диалога (АЧТ) сознательно (подсознательно) учитывают присутствие этого молчащего третьего лица в процессе общения. Это позволяет нам включить пассивного члена акта коммуникации в конкретную речевую ситуацию [Бабаян, 2006, с. 168]. Очевидно, что реакция АЧТ на присутствие МН при их разговоре будет различной. Так, например, АЧТ могут о чем-то умалчивать, не говорить все, что планировали или, наоборот, обсуждать то, о чем и не думали говорить наедине. Кроме того, АЧТ могут переключиться на другой язык или частично либо полностью сменить тему разговора. В каждой определенной ситуации воздействие МН на АЧТ и на создаваемое ими диалогическое произведение будет различным. Данное явление представляется вполне очевидным, т. к. общающиеся (АЧТ) и присутствующий при их разговоре МН могут быть людьми разного воз-

раста, профессии, статуса, представителями одной и той же либо различных лингвокультур и др. Участники триадного диалога – активные (АЧТ) и пассивный (МН) – могут оказаться в разных ситуациях. Все вышеуказанные факторы непременно влияют на процесс акта коммуникации в целом, на самих АЧТ и соответственно могут видоизменять производимое коммуникантами речевое произведение, т. е. диалогический дискурс терциарной речи.

Внутри каждой триады взаимоотношения активных и пассивного участников разнообразны, и чаще всего их можно определить по речи самих АЧТ, по тому, насколько их реплики-высказывания (весь диалог) адресованы или не адресованы к присутствующему МН. Взаимоотношения АЧТ и МН можно классифицировать по следующим аспектам:

1) по факторам, вербально и невербально характеризующим каждого участника конкретного диалога в триаде (АЧТ1, АЧТ2 и МН), т. е. по национальным, возрастным, половым, социальным, образовательным, культурным и другим признакам;

2) по степени знакомства каждого из АЧТ с присутствующим МН;

3) по степени вовлеченности МН в разговор АЧТ;

4) по отношению АЧТ к присутствующему при их разговоре МН;

5) по добровольности/ принуждению участия МН в триаде, поведению МН в определенной коммуникативно-речевой ситуации. В подобном случае можем говорить о *случайных* и *неслучайных* МН. *Случайный МН* будет стараться показать свою незаинтересованность, безразличие к процессу АЧТ, тогда как *неслучайный МН* заинтересован в разговоре АЧТ. Он может быть *сознательно слушающим* и *тайно подслушивающим*;

6) по своему участию в триадном диалоге МН может быть *эксплицитным* (ЭМН) или *имплицитным* (ИМН). Эксплицитный МН (ЭМН) может классифицироваться как *непосредственно* (*контактно*) или *дистантно* присутствующий в акте коммуникации (триаде) [Бабаян, 2016, с. 27].

Из сказанного выше следует, что даже если в акте коммуникации не наблюдается никаких очевидных признаков присутствия ЭМН, всегда можно говорить о присутствии имплицитного МН (совести, авторитетного лица, общественной морали, бога и др.). Вербальное поведение «слышащего» и «не слышащего» голос Бога АЧТ, несомненно, различно.

Доказано, что по речи говорящего можно определить его *возраст, рост, размеры тела, профессию* и другие его характеристики. Одни исследователи называют это «социальной информацией», «языковым паспортом говорящего» [Поливанов, 1968; Попова, Стернин, 2004; Стернин, 2001]. Другие – «самопредставлением» коммуниканта (*англ.* a means of selfpresentation) [Dijk, 1985, p. 4; 1996, p. 86]. Языковой паспорт говорящего – информация, бессознательно сообщаемая человеком своему собеседнику и всем окружающим в процессе определенного акта коммуникации. Это информация включает сведения о его *поле, возрасте, происхождении, физическом состоянии* и других аспектах говорящего лица в момент речи» [Стернин, 2001, с. 43]. В настоящей работе это называется «лингво-социально-психологическим портретом говорящего», т. к. именно этот термин охватывает все характеристики коммуниканта и отвечает цели нашего исследования.

Далее приведем классификацию диалогического дискурса терциарной речи по *лингво-социально-психологическому портрету* его АЧТ и МН:

- *по полу* (два АЧТ, женщины, говорят в присутствии МН в лице мужчины; два АЧТ, мужчины, говорят в присутствии МН в лице женщины и т. д.). Известно, что по голосу и интонации говорящего можно определить его пол. Кроме того, выделяют и лексические характеристики, присущие мужской и женской речи. Можем предположить, что два коммуниканта, женщины, в присутствии МН в лице мужчины или женщины будут по-разному говорить на определенные темы. В присутствии МН в лице мужчины в речи коммуникантов-женщин может наблюдаться переключение языкового кода либо смена (полная/частичная) темы разговора;

- *по возрасту* (два АЧТ, молодые люди, говорят в присутствии МН в лице пожилой женщины/пожилого мужчины; два АЧТ, подростка, говорят в присутствии МН в лице взрослого/ребенка и т. д.). Очевидно, что речь взрослого человека отличается от речи ребенка. В своем кругу представители молодого поколения обычно говорят непринужденно, даже к своим сверстникам, незнакомым им, молодые люди могут обращаться на «ты». В своей речи они часто используют жаргонные и сленговые слова, выражения и штампы. Таким образом они выделяются от взрослых и пожилых людей. Однако старшее поколение более консервативно и не склонно к использованию жаргонных и сленговых слов и выражений в сво-

ей речи.

Акт коммуникации двух АЧТ будет протекать неодинаково в присутствии МН в лице взрослого/пожилого человека и представителя молодежи. Точнее говоря, возраст МН, присутствующего при разговоре двоих АЧТ, также ведет к варьированию стиля общения. Однако подобное присутствие МН при разговоре двух АЧТ может оказаться и уместным, этом случае он может выступать поддержкой одного или обоих АЧТ;

- *по географическому признаку и национальной принадлежности* (два АЧТ, русские, говорят в присутствии МН в лице кавказца; два АЧТ, американцы, говорят в присутствии МН в лице японца и т. д.). Будучи осведомленным об особенностях речи (говора) отдельных регионов (произношение и интонация, определенные слова, диалект), легко определить место жительства и национальную принадлежность говорящего. В различных регионах АЧТ и присутствующий при их разговоре МН в схожей ситуации будут вести себя в соответствии со своими обычаями, правилами и нормами. Два АЧТ одной национальной принадлежности при возникновении при их разговоре ЭМН, представителя другой национальности, будут продолжать свой разговор на родном языке либо переключатся на свой родной язык из-за изменившихся условий акта коммуникации, уважительного или негативного отношения АЧТ к присутствующему при их разговоре МН и др.;

- *по образовательному, профессиональному и культурному статусу* (два АЧТ, рабочие, говорят в присутствии МН в лице филолога и т. д.). По культуре речевого поведения, выбору лексики, грамматической корректности речи, произношению и интонации и других особенностей языка АЧТ можно определить его образовательный и культурный уровень. Известно, что при передвижении от одной культурной страты к другой, человек в определенной степени корректирует и свою речь. Только окружающие человека люди могут назвать его культурным. Делают они это, исходя из своего собственного представления. Значит, бытующая в каждом обществе культура относительна, она находится в определенном отношении к понятию «культурной нормы». Последнее корреспондирует с понятием «языковой нормы». Понятие «языковая норма» подразумевает ряд факторов (большой лексический запас, формулы речевого этикета, усложненный синтаксис и др.), соответствие которым и определяет культурного человека [Маймескул, 1995, с. 28; Макаров, 2003, с. 157]. Так, например, два АЧТ,

образованные люди, в присутствии менее образованного МН, в зависимости от их (положительно/ негативно) отношения к МН будут по-разному вести акт коммуникации. АЧТ будут всячески пытаться задеть самолюбие МН, поставить его в неудобное положение при негативном отношении к нему. При уважительном же отношении АЧТ к присутствующему при их разговоре МН, не будут особо подчеркивать свой интеллектуальный уровень;

- *по месту ведения диалога* (дом/ семья, магазин, место учебы/работы, транспорт и т. д.). Речь АЧТ подвергается изменениям в зависимости от определенного места общения. Иначе говоря, «регистр общения» АЧТ адекватен определенной коммуникативно-речевой ситуации. Так, например, на рабочем месте АЧТ в своей речи будут использовать профессионализмы скорее, чем дома. Помимо того, на одни темы удобно и уместно говорить на публике, на другие – в кругу семьи;

- *по степени знакомства АЧТ и МН* (два АЧТ, знакомые друг другу, говорят в присутствии известного им обоим МН; два АЧТ, знакомые друг другу, говорят в присутствии неизвестного им обоим МН и др.). Чем менее знакомы АЧТ с МН, тем в более строгих статусно определенных нормах состоится их разговор;

- *по статусно-ролевому признаку* (два АЧТ, учитель и ученик, говорят в присутствии МН, класса; два АЧТ, офицеры, говорят в присутствии МН в лице курсантов и т. д.). Известно, что каждая социальная роль характеризуется определенным стилем речи. Поэтому АЧТ приходится подбирать стиль общения, соответствующий определенной коммуникативно-речевой ситуации. Кроме того, он должен учитывать и окружающих его людей;

- *по ситуационной характеристике речи* (два АЧТ говорят, находясь рядом друг с другом, в присутствии ЭМН; либо два АЧТ говорят по телефону, а МН находится рядом с одним из них; два АЧТ говорят по телефону и рядом с каждым из них находится свой МН). В последнем случае наблюдаем присутствие двух МН. При этом партнер по общению (АЧТ) может (не) догадаться о находящемся МН рядом со своим собеседником. В случае, если присутствие МН нежелательно, АЧТ может перейти на другой язык, сменить тему разговора или прервать его вообще. Но АЧТ могут и продолжить разговор, т. е. не обращать никакого внимания на присутствие МН [Бабаян, 2016, с. 26-27].

Отметим, что вариативность взаимоотношений людей ограничена. Так, например, О. Розеншток-Хюсси, выделяет следующие их комбинации. Во-первых, адресант и адресат могут быть едиными, настроены на общение, т. е. АЧТ соглашаются друг с другом. Во-вторых, адресант и адресат могут быть чужими друг другу людьми. В-третьих, АЧТ₁ зависит от АЧТ₂, в ответ на сказанное он ожидает от своего партнера по общению каких-то определенных действий. В-четвертых, АЧТ₁ зависит от АЧТ₂, поскольку первый уже выполнил определенное действие [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 124].

Информативные средства есть знаки-признаки эмоционального состояния коммуниканта и его речевой деятельности. Эти знаки-признаки могут также передаваться и третьему лицу [Тарасов, Сорокин, 1977, с. 23; Тарасов, 1977, с. 75]. Таким образом, можем заключить, что если тезаурус АЧТ представляет для них самих *знаки*, то для присутствующего при их разговоре МН этот же тезаурус представляет *признаки*. В таком случае динамика тезаурусов обоих АЧТ будет разной, а некоторые из признаков будут толковаться по-разному. Так, например, МН в лице пожилого человека, наблюдающему за разговором двух АЧТ в лице юношей, может показаться, что никакого взаимобмена информацией не происходит. Для МН весь процесс этого диалога будет фатическим, т. е. для него это вообще не общение, а какой-то иной процесс [Crystal, 2005, p. 294; Dittmann, 1972, p. 41; Garnham, 1994, p. 136].

Анализ материала

Классифицировать триадный диалог можно по различным признакам. Приведем анализ диалогов с МН, в основу которого положен признак взаимоотношения АЧТ с этим третьим участником.

Глава «Племяннушка» романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» повествует о приезде Анниньки, племянницы Порфирия Владимыча (Иудушки) в Головлево. Между Аннинькой (АЧТ₁) и Порфирием Владимычем (АЧТ₂) состоится следующий диалог в столовой в присутствии Евпраксеюшки (ЭМН), экономки Иудушки:

– *Ах, дядя, как у вас скучно здесь!* – начала она, слегка пожевывая.

– *Вот-на! не успела повернуться – уж и скучно показалось! А ты поживи с нами – тогда и увидим: может, и весело покажется!* – ответил Порфирий Владимыч, которого глаза вдруг подернулись масляным отблеском.

– **Нет, неинтересно! Что у вас тут? Снег кругом, соседей нет... Полк, кажется, у вас здесь стоит?**

– *И полк стоит, и соседи есть, да, признаться, меня это не интересует. А впрочем, ежели...*

Порфирий Владимирович взглянул на нее, но не закончил, а только крикнул. Может быть, он и с намерением остановился, хотел раззадорить ее женское любопытство; во всяком случае, прежняя, едва заметная улыбка вновь скользнула на ее лице. Она облокотилась на стол и довольно пристально взглянула на Евпраксеюшку (ЭМН. – В. Б.), которая, вся покрасневши, перетирала стаканы и тоже исподлобья взглядывала на нее своими большими, мутными глазами.

– *Это моя новая экономка... усердная!* – молвил Порфирий Владимирович.

Аннинька чуть заметно кивнула головой и потихоньку замурлыкала: ah! ah! que j'aime... les mili-mili-militaire – причем поясница ее как-то сама собой вздрагивала. Воцарилось молчание, в продолжение которого Иудушка, смиренно опустив глаза, помаленьку прихлебывал чай из стакана.

– *Скука!* – опять зевнула Аннинька.

– **Скука да скука! заладила одно! Вот погоди, поживи... Ужо велим саночки заложить – как-тайся, сколько душе угодно.**

– *Дядя! отчего вы в гусары не пошли?*

– *А оттого, мой друг, что всякому человеку свой предел от бога положен. Одному – в гусарах служить, другому – в чиновниках быть, третьему – торговать, четвертому...*

– *Ах да! четвертому, пятому, шестому... я и забыла! И все это бог распределяет... так ведь?*

– *Что ж, и бог! над этим, мой друг, смеяться нечего! Ты знаешь ли, что в Писанин-то сказано: без воли божьей...*

– *Это насчет волоса? – знаю и это! Но вот беда: нынче все шиньоны носят, а это, кажется, не предусмотрено! Кстати: посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса... Не правда ли, хороша? <...>*

– *Да, хороша коса, – похвалил Иудушка и как-то погано распустил при этом губы; но потом спохватился, что, <...> от подобных соблазнов надобно отплевываться, и присовокупил, – ах, егоза! все у тебя косы да шлейфы на уме, а об настоящем-то, об главном и не догадаешься спросить?*

– *Да, об бабушке... Ведь она умерла?*

– *Скончалась, мой друг! и как еще скончалась-*

то! Мирно, тихо, никто и не слышал! Вот уж именно непостыдная кончина живота своего удостоилась! Обо всех вспомнила, всех благословила, призвала священника, причастилась... И так это вдруг спокойно, так спокойно ей сделалось! [Салтыков-Щедрин, 1988, с. 158-160].

Тема исследуемого диалогического дискурса – скука. Скучно приехавшей в Головлево Анниньке, племяннице Порфирия Владимировича, которая, будучи актрисой и привыкшая к шумной и веселой жизни в городе, не понимает своего дядю, не желает оставаться в имении Головлевых. Именно это нежелание и кроется в ее высказываниях-репликах: «*Ах, дядя, как у вас скучно здесь!*»; «**Нет, неинтересно! Что у вас тут? Снег кругом, соседей нет...**»; «**Скука!**» Порфирий Владимирович, в свою очередь, выражает недовольство, возражает ей и упрекает ее, произнося следующие реплики: «*Вот-на! не успела повернуться – уж и скучно показалось! А ты поживи с нами – тогда и увидим: может, и весело покажется!..*»; «*И полк стоит, и соседи есть, да, признаться, меня это не интересует...*»; «**Скука да скука! заладила одно!..**»; «*Что ж, и бог! над этим, мой друг, смеяться нечего!..*»; «*..а об настоящем-то, об главном и не догадаешься спросить?*»

Тема скуки, с которой начинает разговор Аннинька (АЧТ₁), неприязнь Порфирия Владимировича (АЧТ₂) к ней, его неудовлетворенность этим разговором-спором прослеживается и в авторских ремарках посредством невербальных средств общения, указывающих на состояние обоих АЧТ, а также эксплицитно присутствующего МН в лице Евпраксеюшки (ЭМН). Аннинька (АЧТ₁): «*...начала она, слегка позевывая*»; «*...чуть заметно кивнула головой*»; «*...потихоньку замурлыкала*»; «*...поясница ее как-то сама собой вздрагивала*»; «*...опять зевнула Аннинька*». Порфирий Владимирович (АЧТ₂): «*...не закончил, а только крикнул*»; «*...смирненно опустив глаза, помаленьку прихлебывал чай из стакана*». На продуцируемый диалог АЧТ следует и реакция присутствующей в столовой экономки Евпраксеюшки (ЭМН). Как пишет сам автор, Евпраксеюшка «*...вся покрасневши, перетирала стаканы и тоже исподлобья взглядывала на нее* (на Анниньку, АЧТ₂. – В. Б.) *своими большими, мутными глазами*».

Разговаривая с Аннинькой (АЧТ₁), Порфирий Владимирович (АЧТ₂), учитывая присутствующую при этом свою экономку Евпраксеюшку (ЭМН), в своей речи использует инклюзивные местоимения

«с нами», глаголы в форме множественного числа «увидим», тем самым включая ее в свой альянс против своего адресата в лице Анниньки. И когда Иудушка представляет ей Евпраксеюшку (ЭМН), свою новую экономку, Аннинька «...**чуть заметно кивнула головой и потихоньку замурыкала**: *ah! ah! que j'aime... les mili-mili-militaires – причем поясница ее как-то сама собой вздрагивала*», точнее, он не обратил на нее внимания, подчеркивая ее более низкий статус.

В исследуемом компетитивном диалоге терциарной речи между Аннинькой и Порфирием Владимыричем наблюдается альянс двух его сторон против третьей: АЧТ₂ + ЭМН > АЧТ₁.

Другую триаду наблюдаем в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» в эпизоде, где описывается, как Квентин и маленькая девочка, которая, по его словам, «took up with me», вместе идут по улице. На своем пути маленькая девочка не отвечает на его вопросы, а только смотрит на Квентина и молчит. Квентин видит, как «two men sat in chairs in front of a store». Между Квентином (АЧТ₁) и этими двумя незнакомцами (АЧТ₂) состоится следующий диалог об этой девочке (ЭМН):

«Do you all know this little girl (ЭМН. – В. Б.)? She sort of took up with me and I can't find where she lives.»

They quit looking at me and looked at her.

«Must be one of them new Italian families,» one said. He wore a rusty frock coat. «I've seen her before. What's your name, little girl?» She looked at them blackly for a while, her jaws moving steadily. She swallowed without ceasing to chew;

«Maybe she can't speak English,» the other said.

«They sent her after bread,» I said. «She must be able to speak something.»

«What's your pa's name?» the first said. «Pete? Joe? name John huh?» She took another bite from the bun.

«What must I do with her?» I said. «She just follows me. I've got to get back to Boston.»

«You from the college?»

«Yes, sir. And I've got to get on back.»

«You might go up the street and turn her over to Anse. He'll be up at the livery stable. The marshal.»

«I reckon that's what I'll have to do,» I said. «I've got to do something with her. Much obliged. Come on, sister» [Faulkner, 2015, p. 63].

В анализируемой триаде наблюдаем двух активных коммуникантов (АЧТ₁ и АЧТ₂) и присутствующего при этом диалоге ЭМН в лице маленькой девочки. Интересным представляется тот факт, что одна из сторон триады – АЧТ₂ – пред-

ставлена не одним человеком, а двумя незнакомцами, которых Квентин и девочка встретили на своем пути. Именно с ними состоится разговор Квентина о маленькой девочке, т. е. ЭМН – тема разговора.

Представляется интересным тот факт, что ЭМН в лице маленькой девочки не отвечает на вопросы Квентина («...where she lives») и этих двух незнакомцев («What's your name, little girl?»; «What's your pa's name?» «...Pete? Joe? name John huh?»), оставаясь молчащим участником-свидетелем (МН) до конца диалога. Читатель может ясно представить себе поведение этой девочки только по авторским ремаркам с использованием таких средств невербального общения, как: «She looked at them (на двух незнакомцев, АЧТ₂. – В. Б.) blackly for a while, her jaws moving steadily. She swallowed without ceasing to chew»; «She took another bite from the bun».

В отличие от первой триады, в настоящем диалогическом пространстве терциарной речи, как видим, альянс его участников не наблюдается, анализируемый диалог не содержит маркеров этого коммуникативного феномена. Кроме того, если в первом триадном диалоге МН является членом альянса, то во втором – темой, поводом диалога АЧТ, т. е. без него этот диалог не состоялся бы вообще.

Приведем таблицу соответствий между словом говорящего и реакцией слушающего, данную О. Розенштоком-Хюсси, включив в нее МН [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 150]:

Таблица 1

Учет реакции АЧТ и МН в триадных диалогах

АЧТ ₁	АЧТ ₂	МН
жалуется, спрашивает	возражает, отвечает	слушает, вздрагивает
интересуется, говорит	огрызается	слушает, понимает
убеждает, сетует	интересуется	слушает, краснеет
хвастается	соглашается, хвалит	слушает, понимает
унижает, издевается	упрекает	слушает
доказывает	пререкается	поддерживают АЧТ
говорит, просит о помощи	поясняет	слушает, наблюдает
слушает, смеется	здоровается, отвечает	слушает
негодует, жалуется	поддерживает разговор	подслушивает

Выводы

В таблице представлены действия-реакции всех членов акта коммуникации (АЧТ и МН). Проанализировав эти данные, приходим к выводу о том, что действия-реакции в дискурсивном пространстве терциарной речи чаще выражаются *глаголами*. Кроме того, отметим, что реакции активных и пассивного участников диалога различны, разнообразны и коммуникативные ситуации, характеристики АЧТ и МН, различны и взаимоотношения как самих коммуникантов в каждом диалоге, так и их отношение к присутствующему при их разговоре МН. Во всех диалогах МН представляет собой в разной степени влиятельного участника каждого акта коммуникации и, соответственно, ведет себя в каждом из них по-разному. Именно благодаря его присутствию и поведению (что находит свое отражение в репликах-высказываниях АЧТ и в авторских ремарках) создается особая коммуникативная ситуация, в которой АЧТ приходится продуцировать триадный диалог.

Библиографический список

1. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как неотъемлемый участник в диалогическом дискурсе терциарной речи // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 91–96.
2. Бабаян В. Н. Психолингвистические особенности диалогического дискурса терциарной речи в присутствии эксплицитного молчащего третьего лица // Иностранные языки в высшей школе : научный журнал. Рязань, 2016. Вып. 4 (39). С. 25–33.
3. Бабаян В. Н. Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. Москва, 2006. С. 168–182.
4. Горелов И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. Москва : Лабиринт, 2001. 304 с.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва : Гнозис, 2002. 333 с.
6. Маймескул Е. А. Речевой этикет и его место в языке и культуре // РЖ, 1995, № 4. 28 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва : Гнозис, 2003. 280 с.
8. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Москва : Наука, 1968. 376 с.
9. Попова З. Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2004. 208 с.
10. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. Москва : Лабиринт, 1994. 213 с.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Собрание сочинений в десяти томах. Том шестой. Москва : Издательство «Правда», 1998. 494 с.

12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.

13. Тарасов Е. Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. Москва : Наука, 1977. С. 14–38.

14. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. Москва : Наука, 1977. С. 67–95.

15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.

16. Dijk T. A. van. Introduction / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc., 1985. P. 2–7.

17. Dijk T. A. van. Discourse, power and access / T. A. van Dijk // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard. London, New York : Routledge, 1996. P. 84–104.

18. Dittmann A. T. Interpersonal Messages of Emotion. New York : Springer Publishing Co, Inc., 1972. 232 p.

19. Faulkner W. The Sound and the Fury. London : Vintage Books, 2015. 272 p.

20. Garnham A. Psycholinguistics. Central Topics / A. Garnham. London & New York, 1994. 269 p.

Reference list

1. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak neotj'emlemyj uchastnik v dialogicheskom diskurse terciarnoj rechi = The silent observer as an integral participant in the dialogic discourse of tertiary speech // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik : nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. № 1. S. 91–96.
2. Babajan V. N. Psiholingvisticheskie osobennosti dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi v prisutstvii jeksplicitnogo molchashhego tret'ego lica = Psycholinguistic features of dialogic discourse of tertiary speech in the presence of an explicit silent third person // Inostrannye jazyki v vysshej shkole : nauchnyj zhurnal. Rjazan', 2016. Vyp. 4 (39). S. 25–33.
3. Babajan V. N. Lakuny v triade (dialog s molchashhim nabljudatelem /MN/) = Lacunae in the triad (dialogue with the silent observer /SO/) // Voprosy psiholingvistiki. 2006. № 3. Moskva, 2006. S. 168–182.
4. Gorelov I. N. Osnovy psiholingvistiki = Basic psycholinguistics : ucheb. posobie / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. Moskva : Labirint, 2001. 304 s.
5. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa = The language of social status. Moskva : Gnozis, 2002. 333 s.
6. Majmeskul E. A. Rechevoj jetiket i ego mesto v jazyke i kul'ture = Speech etiquette and its place in language and culture // RZh, 1995, № 4. 28 s.
7. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = Basics of discourse theory. Moskva : Gnozis, 2003. 280 s.
8. Polivanov E. D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju = Essays on general linguistics. Moskva : Nauka, 1968. 376 s.

9. Popova Z. D. Obshee jazykoznanie = General linguistics. / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izd-vo, 2004. 208 s.
10. Rozenshtok-Hjussi O. Rech' i dejstvitel'nost' = Speech and reality. Moskva : Labirint, 1994. 213 s.
11. Saltykov-Shhedrin M. E. Gospoda Golovlevy = The Golovlev family // Sobranie sochinenij v desjati tomah. Tom shestoj. Moskva : Izdatel'stvo «Pravda», 1998. 494 s.
12. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to linguistic manipulation. Voronezh, 2001. 252 s.
13. Tarasov E. F. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo i nerechevogo povedenija = National and cultural specificity of verbal and non-verbal behavior // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. Moskva : Nauka, 1977. S. 14–38.
14. Tarasov E. F. Mesto rechevogo obshhenija v kommunikativnom akte = The place of verbal communication in the communicative act // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. Moskva : Nauka, 1977. S. 67–95.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.
16. Dijk T. A. van. Introduction / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc., 1985. P. 2–7.
17. Dijk T. A. van. Discourse, power and access / T. A. van Dijk // Texts and Practices. Readings in Critical Discourse Analysis. Ed. C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard. London, New York : Routledge, 1996. P. 84–104.
18. Ditmann A. T. Interpersonal Messages of Emotion. New York : Springer Publishing Co, Inc., 1972. 232 p.
19. Faulkner W. The Sound and the Fury. London : Vintage Books, 2015. 272 p.
20. Garnham A. Psycholinguistics. Central Topics / A. Garnham. London & New York, 1994. 269 p.